

РЕЦЕНЗИИ

УДК 80; 82.0

Коньков Владимир Иванович
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: v_konkov@mail.ru

Konkov Vladimir Ivanovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg
e-mail: v.konkov@spbu.ru

Соломкина Татьяна Алексеевна
кандидат искусствоведения, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: t.solomkina@spbu.ru

Solomkina Tatiana Alekseevna
Associate Professor, Ph.D. in Art Studies
Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg
e-mail: t.solomkina@spbu.ru

В.И. Коньков, Т.А. Соломкина

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ЕДИНИЦЫ РЕЧИ; ТИПОЛОГИЯ,
ИСХОДНЫЕ МОДЕЛИ И ПРИНЦИПЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ / ПОД ОБЩЕЙ
РЕДАКЦИЕЙ К. А. РОГОВОЙ. – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ЗЛАТОУСТ, 2017. – 320
С. – ISBN 978-5-86547-951-2**

Аннотация. Монография написана коллективом Кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Рогова Кира Анатольевна – автор монографии и руководитель проекта, доктор филологических наук, профессор. К.А. Рогова является главным редактором журнала «Мир русского слова». В авторский коллектив входят Кира Анатольевна Рогова, Дарья Владимировна Колесова, Татьяна Игоревна Попова, Ольга Витальевна Хорохордина, Наталья Васильевна Шкурина, Ирина Михайловна Вознесенская, Ирина Александровна Гончар. Авторы монографии исходят из того, что единицей, формирующей функционально-смысловую тип речи, является предложение. Его структура рассматривается как форма выражения смысла, определяемая семантикой и коммуникативной организацией предложения. Высказывания одного семантико-коммуникативного типа, одного и того же функционально-смыслового типа речи рассматриваются как в первичных, так и во вторичных речевых жанрах. Содержательным

центром монографии является главы, посвящённые описанию и повествованию. Рассуждение представлено в монографии объяснением, аргументацией и инструкцией.

Ключевые слова: описание, повествование, рассуждение, семантика предложения, коммуникативная организация предложения

V.I. Konkov, T.A. Solomkina

FUNCTIONAL-SEMANTIC UNITS OF SPEECH: A TYPOLOGY, THE BASIC MODEL AND PRINCIPLES OF EXPANSION / UNDER GENERAL SUPERVISION OF K.A. ROGOVA. – SAINT PETERSBURG: ZLATOUST, 2017. – 320 P. – ISBN 978-5-86547-951-2

Abstract. The monograph was written by the staff of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching it at the Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. Kira Rogova is the author of the monograph and the project manager, Dr.Sc. of Philology, Professor. K. Rogova is the editor-in-chief of the journal «The World of the Russian Word». The team of authors includes Kira Anatolyevna Rogova, Daria Vladimirovna Kolesova, Tatiana Igorevna Popova, Olga Vitalievna Khorokhordina, Natalia Vasilyevna Shkurina, Irina Mikhailovna Voznesenskaya, Irina Aleksandrovna Gonchar. The authors of the monograph proceed from the fact that the unit forming the functional and semantic type of speech is a sentence. Its structure is considered as a form of expression of meaning, determined by the semantics and communicative organization of the sentence. Utterances of the same semantic-communicative type, the same functional-semantic type of speech are considered both in primary and secondary speech genres. The content center of the monograph is the chapters devoted to description and narration. The reasoning is presented in the monograph by explanation, argumentation and instruction.

Keywords: description, narrative, reasoning, sentence semantics, communicative organization of the sentence

К настоящему времени в сфере изучения функционально-смысловых единиц речи мы имеем значительную по объёму научную литературу. Укажем прежде всего на материалы журнала «Жанры речи» (издаётся с 2013 г.; учредителем и издателем является «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского») и предшествовавших ему сборников «Жанры речи» (Саратов — Москва, 1997-2012 гг, вып. 1-8).

Тем более удивительным является тот факт, что в лингвистике мало работ фундаментального характера, которые бы осмысливали проблематику функционально-смысловых типов речи (ФСТР) на современном лингвистическом уровне на единой концептуальной основе. Прорывной характер, по сути дела, до сих имела только одна работа – «Проблема речевых жанров» М.М. Бахтина, опубликованная впервые в 1978 г. и затем напечатанная в 1979 г. в сборнике «Эстетика словесного творчества» [1]. Написанная несколько десятков лет тому назад, она и до сих пор не исчерпала своего когнитивного потенциала.

Фундаментальные исследования в сфере ФСТР требуют профессиональной подготовки высокого уровня сразу в нескольких областях лингвистики. Здесь важен структурно-синтаксический аспект, необходимо учитывать особенности типов языковых значений, которые формируют содержание, семантику речевой формы, требуется понимание проблематики актуального синтаксиса, наконец нужно хорошо знать обширный эмпирический материала – произведения художественной, научной литературы, публицистики, разнообразные тексты деловой прозы. Всем этим требованиям отвечает рецензируемая монография. Создателем концептуальной основы монографии является К.А. Рогова, организатор нескольких научных проектов, успешный исследователь в сфере функциональной стилистики и грамматики.

Коллективная монография была издана в 2017 году, однако до сих пор не актуализирована в практике медийных исследований и обучения русскому языку как иностранному, что, на наш взгляд, не является справедливым. Мы считаем необходимым показать значимость данной работы для лингвистической науки.

Цель, поставленная авторами коллективной монографии, — проанализировать речевые механизмы формирования смысла текста, актуализировать типологический аспект функционально-смысловых единиц речи, выявить и описать исходные модели и принципы их развёртывания. Суть гипотезы, заложенной в основу монографии состоит в том, что можно выявить модели коммуникативной структуры предложений-высказываний, составляющих каждый тип речи, описать исходные языковые формы, формирующие его.

К.А. Рогова (Рис.1), полагает, что одним из первых ответ на вопрос, как формируется смысловая структура текста, дал В.В. Виноградов: «Путь к пониманию роли языковых средств в целом тексте В.В. Виноградов видел в обращении к его композиции: выделении её составляющих – словесных рядов и наблюдении над характером связи между ними» (с. 7)¹. Важный ход в логике исследования – прямое соотнесение словесных рядов В.В. Виноградова с функционально-смысловыми типами речи: «Не заполняя целиком пространство текста, так как в него входят разные формы чужой речи, межфразовые единицы, функционально-смысловые типы речи (ФСТР) в значительной мере формируют его, обнаруживая содержательную близость “словесным рядам” как категориям текста» (с. 9).

Рис. 1. Профессор Кира Анатольевна Рогова

К разработке подхода, который позволил бы в обозначенном аспекте выявить инструментальную единицу анализа смысловой организации текста, авторами монографии подключается прежде всего теория первичных и вторичных жанров М. М. Бахтина. Выявляется широкий круг смежных идей, высказанных специалистами разных лингвистических, в том числе и стилистических, направлений: А.Г. Баранов, И.Н. Борисова, О.А. Нечаева, В.Г. Адмони, М.П. Брандес, Н.С. Валгина, М.Ю.

¹ Здесь и далее при цитировании рецензируемой монографии в скобках после цитаты указывается в прозе только номер страницы, на которой находится цитируемый фрагмент.

Федосюк, В.В. Дементьев, М.Н. Кожина, Е.В. Сидоров и др. Помимо номинации ФСТР, приводится целый ряд других номинаций, используемых для обозначения композиционно-речевых единиц текста. Объединяющее их начало, подчёркивает К.А. Рогова, состоит в том, что «во всех наименованиях отмечена речевая принадлежность этих единиц и их связь с текстом, подчеркнут типизированный характер: указывается, что, представляя единое тематическое целое, функционально обусловленное, они строятся по образцу, служащему эталоном/моделью для порождения аналогичных высказываний» (с 11).

При этом многие исследователи, отмечает К.А. Рогова, видели, что в пределах одной композиционно-речевой формы происходит интеграция языковых единиц различной стилевой принадлежности (см., например, категорию речевой системности в понимании М.Н. Кожиной [4]), однако при этом отсутствовало понимание того спускового механизма, который приводит все средства в системное взаимодействие. К.А. Рогова полагает, что «системность языковых средств в рамках ФСТР базируется не на типах предложений, основанных на структурных принципах, а на их семантике и коммуникативной организации, структурная основа присутствует как форма выражения смысла» (с. 15). Описательная сила обозначенного подхода к изучению ФСТР демонстрируется на основе блестяще проведённого анализа односоставных предложений, где типы односоставных предложений рассматриваются в аспекте взаимодействия их структуры, семантики и информационно-коммуникативной организации, чем и объясняется характер их функционирования в структуре ФСТР.

Положение о целесообразности анализа формирования смысла ФСТР на основе изучения семантической и коммуникативной специфики предложений, на которых построен ФСТР, является методологической основой анализа речевого материала и объясняет очень многое в характере проведенного исследования.

Так, в главе «Описание» в разделе «Описание пространства» К.А. Рогова при изучении речевых форм опирается не на идеи М.М. Бахтина, который полагал, что субъектам речи речевые формы даны как устойчивые матрицы, которые заполняются словами в определённой коммуникативной ситуации [1, с. 257–258], а на понимание описания пространства, принадлежащее И.В. Кобозевой, которую интересуют «процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации и её вербальном кодировании [3, с. 153]. Именно в последнем случае в поле зрения исследователей оказываются прежде всего предложения, которые и формируют классическое описание в его эталонном виде и встраиваются в любые другие ФСТР в качестве включённых речевых форм, например в структуре рассуждения.

К.А. Рогова установила исходную композиционно-синтаксическую модель составляющих описание предложений: «Исходная модель Дт/Т – С – П/Р² (экземплярная и редуцированные формы), в случаях её распространения: Дт/Т – С – П/Р; П/Т – С/Р с возможными взаимовключениями. Эта модель предоставляет широкие возможности заполнения позиций определений при именной группе П и обстоятельств – при глагольной группе С, а также практически неограниченные возможности лексического наполнения, что позволяет использовать эту модель в текстах всех функциональных стилей» (с. 31).

Благодаря предложенной методике смысловая глубина описательных контекстов и конструкций получает новую интерпретацию и существенно увеличивается как в

² В рецензируемой монографии используются обозначения Т – тема, Р – рема, П – подлежащее, С – сказуемое, Дт – детерминант

объёме смысловых компонентов, так и в их многоаспектности. Мы должны также обратить внимание и на то, что авторский подход позволяет выявить и проанализировать описательные элементы независимо от того, являются они базовым элементом классического описания или же перед нами речевой элемент, встроенный в иную по природе базовую речевую форму.

И.В. Реброва, один из авторов монографии, предприняла попытку детально представить в различных функциональных стилях и жанрах описание пространства. Рассматриваются описательные компоненты в публицистическом стиле (статья, очерк, путешествие, публицистический текст рекламного характера), научном и деловом стилях речи, в художественной литературе (рассказ, миниатюра, стихотворение в прозе). Особое внимание уделяется литературной критике.

Значительное место отводится портретному описанию. Принципиально противопоставляются два типа описания. В художественном тексте портретное описание имеет статус образа. Автор рассматривает здесь «концептуальный» развернутый портрет, сложный портрет с использованием экфрасиса и портрет-характеристику. В нехудожественных текстах рассматривается портрет – ориентировка на подозреваемого; портрет – ориентировка при розыске пропавшего без вести; портрет-самопрезентация (объявление о знакомстве); портрет – научное антропологическое описание; псевдонаучный портрет (физиогномика); портрет-воспоминание. Вне указанных стилей рассматривается портрет-примитив в учебном тексте.

Анализ описания природы в различных жанрах и стилях позволил выявить четыре уровня смыслового развития описания. Нулевой уровень – текст-прототип. Смысловое расширение идёт по пути функционально стилистической вариативности и введения модусного компонента. На втором уровне происходит расширение модусной и диктумной составляющих за счёт включения иной точки зрения, смены субъекта повествования, проявление черт идиостиля. На третьем уровне наблюдается расширение пресуппозиций и импликаций, связанных с национальным культурно-историческим пространством. На четвёртом уровне в формирование смысла включаются другие семиотические системы (с. 77–78). Выстроенные подобным образом уровни осложнения смысловой структуры речевой формы, несомненно, могут сыграть важную роль при разработке новых методов и приёмов преподавания стилистики как русским, так и иностранным студентам.

В порядке дискуссии отметим, что не хочется речевые формы, представляющие внешность человека в официально-деловом стиле, называть портретным описанием. Когда мы видим текст: «Приметы: на вид 30 лет, рост средний, полного телосложения, глаза карие, волосы прямые, чёрные», то воспринимаем его скорее как информацию о типе личности, чем как портрет, который по природе предполагает единичность, индивидуальность.

Вторая глава, посвящённая повествованию (автор Т.И. Попова), является, пожалуй, наиболее удачным разделом монографии. Автор сосредоточивает внимание на выявлении модели повествовательного типа изложения, показывая, что базовыми категориями, определяющими речевую структуру повествования, являются категория времени (отношения временной последовательности) и категория лица. Последняя связана с включённостью/невключённостью субъекта в ситуацию действительности, а также с характером восприятия и отображения ситуации. В типологию повествовательных текстов (соответственно, и речевых форм) вводится поэтому характер восприятия и отображения ситуации: репродуктивный, информативный и генеритивный регистры. Важна и линия противопоставления коммуникативного и

нарративного режимов («показ» или «рассказ»). Конституирующую роль играет также «пространственное расположение рассказчика, персонифицированного (диегетического) или неперсонифицированного (экзегетического) повествователя» (с. 95).

Любопытные результаты получены автором при соотнесении повествовательных речевых форм со сложным синтаксическим целым (ССЦ). Именно на основе структуры ССЦ происходит формирование достаточно сложных семантических структур. Особенно интересным, плодотворным выглядит анализ вторичных (в концепции М. М. Бахтина) повествовательных жанров. Т. И. Попова отталкивается от категории нарратива в понимании В. Шмида [5, с. 13–14], что позволяет отнести к повествовательным разговорные диалогические тексты, в которых развивается ситуация, а также повествовательные структуры в рассказах о жизни, о событиях, о поступке, о случаях. Эти тематические типы повествования в статусе первичных и вторичных жанров рассматриваются «в разных функционально-речевых условиях» (с. 104).

Во вторичных речевых жанрах первичные повествовательные жанры могут занимать сравнительно небольшой объем. Однако именно эти речевые компоненты являются тем речевым механизмом, который развёртывает содержание, генерирует появление в тексте иных речевых форм, подчинённых повествованию, но обслуживающих его, объединяет все компоненты текста в одно целое.

Прозрачность и логичность изложения материала, хорошо подобранные примеры и чёткий комментарий позволяют использовать монографию в том числе и как учебное пособие.

Три последние главы посвящены объяснению, аргументации и инструкции. Они вводятся в текст монографии как разновидности рассуждения со ссылкой на работы А.А. Кибрика: «Устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не типы дискурсов (т.е. жанры), а типы изложения, или типы пассажей, т.е. фрагментов дискурса. Обычно... выделяются следующие типы пассажей: нарративный (повествовательный), дескриптивный (описательный), объяснительный, инструктивный и увещательный, убеждающий (аргументативный). О некоторых из этих типов пассажей известно, что они имеют типичные языковые характеристики [2, с. 23].

Объяснение, аргументация и инструкция, рассматриваемые как типы изложения, как единицы дискурсивного плана (пассажи, фрагменты дискурса), легко входят в терминологическую систему монографии и поддаются успешному анализу. Однако при этом вопрос о рассуждении как ФСТР остаётся открытым.

Объяснение истолковывается авторами как «тип текста, создаваемый в условиях информационного неравенства адресанта и адресата с целью проинформировать собеседника об объективной сути какого-либо предмета, явления, процесса действительности в такой форме, чтобы он понял предложенную информацию (с. 159).

Основными характеристиками объяснения авторы считают обобщенность, причинно-следственные отношения, языковые средства квалификации объекта, языковые средства характеристики объекта. Были выявлены следующие модели текстообразования: объяснение — квалификации объекта; объяснение — качественная характеристика; объяснение — демонстрация процесса; объяснение — демонстрация связей и отношений; объяснение — демонстрация следствий; объяснение функций; объяснение отличительного признака. Жанровые реализации объяснения авторы начинают рассматривать с определения, в котором видят элементарный тип текста объяснения. Анализируются различные виды объяснения в учебно-научных и научно-

популярных жанрах. Исследуется комментарий, который проявляет себя в различных функциональных стилях. Обращается внимание на объяснение в текстах, построенных на изобразительной основе, где смысл объяснения не вербализован, а содержится в самом характере изображения.

Наряду с объяснением значительное внимание в монографии уделяется аргументации, аргументативному тексту (Д.В. Колесова), суть которого понимается в виде традиционной схемы «тезис — аргументы — вывод» (с. 211). Что касается перечня конкретных средств аргументации, то он, считает автор, принципиально открыт (с. 212) и зависит от конкретных контекстов, предназначенных для тех или иных социальных групп. Исходная позиция исследования заключается в том, чтобы выяснить, как функционирует и по каким законам строится в первую очередь естественноречевая аргументация, т. е. речевой продукт, который производит не профессионал (юрист, политик, журналист), а типичный носитель языка (с. 214).

В своём исследовании Д.В. Колесова движется от анализа элементарного аргументативного текста к анализу текстов с имплицитно представленными структурными частями, а также текстов, созданных с учётом специфики целевой аудитории. Интересны наблюдения, сделанные над спецификой функционирования аргументативного текста как первичного и вторичного жанра в дискурсах основных функциональных стилей. Интересен материал, связанный с изучением аргументативных текстов с высокой степенью имплицитности обязательных компонентов. Активность такой текстовой деятельности автор связывает с особенностями сознания современного активного пользователя виртуальных сетей.

Заключительная часть монографии посвящена инструкции (автор О.В. Хорохордина). Если рассматривать инструкцию как жанр, то он характеризуется прескриптивной тональностью, типовой интенцией научить, как действовать в определённой ситуации, и типовым содержанием, которое можно представить в виде двух фреймов. Первый – «совокупность действий и соотнесенных с каждым из них агентов, предметов, инструментов, адресатов» (с. 264). Второй – «последовательность операций-действий, которые адресату предписывается исполнить для достижения нужного результата» (с. 315). Автор полагает, что инструкция представлена в текстах разной функциональной принадлежности: «официально-деловой стиль: инструкция по охране труда для офисного работника; научный стиль: методика анализа текста; публицистический стиль: дискуссия в СМИ “Как победить коррупцию в России”» (с. 263). Национально-культурный элемент в инструктивном тексте автор рассматривает на примере коммуникативно-семантической группы таких дидактических жанров, как назидание, поучение, наставление, завет. Поэтому инструктивные типы текста при общих конститутивных чертах отличаются тематическим, композиционным и стилистическим разнообразием.

Исследованные таким образом объяснение, аргументация и инструкция выглядят не столько конкретными функциональными типами речи, сколько абстракциями более высокого уровня, речемыслительными моделями, дающими нам представление о базовых речемыслительных операциях, совершаемых в рамках рассуждения как одного из трех типов речемыслительной деятельности наряду с описанием и повествованием. Такой подход даёт нам возможность наложить на один и тот же отрезок текста последовательно несколько моделей, и во всех случаях мы получим интересные и не тождественные сведения о речевой организации отрезка текста.

Однако при этом мы одновременно сталкиваемся с рядом трудностей. Авторами не учитывается тот факт, что специфика речевой формы неизбежно определяется и типом языковых значений, которыми представлен в тексте окружающий нас мир:

чувственно воспринимаемый мир, мир событий, мир фактов и, наконец, мир абстрактного знания. Одни только свойства абстрактной речемышлительной модели без учёта типов языковых значений не выявляют специфику конкретно функционально-смыслового типа речи.

Некоторые чрезвычайно интересные и неожиданные положения монографии, требуют разъяснения и развития в силу своей нетривиальности. Так, в монографии говорится о том, что «необходимо отметить существование связей между описанием и объяснением (в обоих случаях в основе лежит характеристика представляемого), между повествованием и инструкцией (доминирует процессуальное начало» (с. 316-317). Однако в основе описания часто лежит актуализированная семантика бытийности, а в инструкции доминирует не столько процессуальное начало, сколько определённая для каждого случая упорядоченность.

В заключение сделаем два замечания об исследовании поликодовых текстов, специфика анализа которых раскрывается исключительно на основе печатных текстов. Интересен вопрос: в какой степени меняется семантика и тип речевой формы при её устном воплощении, когда текст становится поликодовым благодаря интонации? Вспомним в связи с этим чтение Т. Дорониной статьи В.Г. Белинского о театре в фильме Г. Натансона «Старшая сестра».

Включение в анализ поликодового текста, где наряду с вербальной семиотической системой представлено и изображение, говорит о том, что анализируется скорее абстрактная речемышлительная модель, являющаяся отражением типовой содержательно-коммуникативной ситуации, чем её реальное речевое воплощение.

Высказанные в порядке дискуссии замечания говорят о том, что перед нами монография, которая генерирует новые идеи в сфере изучения речевых форм, предлагает новые пути реализации традиционных подходов, обладает весьма существенным методическим потенциалом как в сфере изучения русского языка как иностранного, так и при изучении русского языка специалистами, намеревающимися работать в медийной среде. За последние четыре года монография – наиболее интересная работа в сфере классической проблематики функционально-смысловых типов речи.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.
2. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2003. – 90 с.
3. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
4. Кожина М.Н. Речевая системность функционального стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 347–350.
5. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

References in Roman script

1. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1979. – S. 237–280.
2. Kibrik A.A. Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive: Dis. v vide nauchnogo doklada, sostavlenaya na osnove opublikovannyh rabot, predstavlenaya k zashchite na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. – M., 2003. – 90 s.
3. Kobozeva I.M. Grammatika opisaniya prostranstva // Logicheskij analiz yazyka. YAzyki prostranstv. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. – S. 152–162.

4. Kozhina M.N. Rehevaya sistemnost' funkcional'nogo stilya // Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka. – M.: Flinta; Nauka, 2003. – S. 347–350.
5. Schmid V. Narratologiya. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

References

1. Bakhtin M.M. The problem of speech genres // Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – Moscow: Iskusstvo, 1979. – pp. 237-280. (In Russian).
2. Kibrik A.A. Analysis of discourse in cognitive perspective: Diss. in the form of a scientific report, compiled on the basis of published works, submitted for defense for the degree of Doctor of Philology. – M., 2003. – 90 p. – (In Russian).
3. Kobozeva I.M. Grammar of space description // Logical analysis of language. Languages of spaces. – M.: Languages of Russian Culture, 2000. – pp. 152-162. (In Russian).
4. Kozhina M.N. Speech consistency of functional style // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. – M.: Flint; Nauka, 2003. – pp. 347-350. (In Russian).
5. Schmid V. Narratology. – M.: Languages of Slavic culture, 2003. – 312 p. (In Russian).